

Владимир Проскурин

МУЗА АЛМАТИНСКАЯ

Составитель словаря псевдонимов библиограф И. Ф. Масанов сообщает, что формула появления скрытого прозвища или почетного имени русского человека сложилась на основе награждения родовым титулом. Так, практиковалось присвоение почетных прозваний военачальникам и общественным деятелям по названию тех мест, где ими были одержаны выдающиеся победы на поле боя или свершены иные значимые деяния. За раскрытие заговора декабристов офицеру И. В. Шервуду было присвоено дополнение к фамилии – Верный, что, безусловно, является курьезом для алма-атинских, бывших верненских, краеведов. Казанское литературное общество, занимавшееся исследованиями Туркестана (Средней Азии и Казахстана), наградило немецкого географа и альпиниста Германа Шлагинтвейта (1826–1882) за переход через горный хребет Кюнлюнь приставкой к фамилии Закюнлюньский (Hermann Rudolf Alfred von Schlagintweit – Sakünlünski), а в 1906 году подобное произошло с русским путешественником П. П. Семеновым-Тянь-Шанским.

Практика награждения почетными фамилиями вызвала стремление давать имена-прозвища и в Туркестане. Среди творческих деятелей назовем, например, Б. А. Карпова, уральского есаула и писателя, который публиковался под благородным псевдонимом Верненский Гражданин. А ташкентская поэтесса и переводчица Анна Владимировна Панкратьева известна в литературном мире как Алматинская.

* * *

Писательница прожила полных девяносто лет. Она была членом Союза писателей Узбекистана, одним из создателей Ташкентской ассоциации пролетарских писателей (ТАПП) и сотрудником Туркестанского отделения РОСТА (1919 г.). Являлась делегатом Первого съезда женщин Узбекистана (1927 г.). Встречалась с основателем соцреализма Максимом Горьким и академиком Гафуром Гулямом, иными пролетарскими литературными наставниками. В советские годы жизнь Анны Алматинской была бурной – собрания, митинги, создание профсоюзов, командировки по делам женского месткома. В это время она опубликовала книги «Из мглы тысячелетий: Исторический очерк быта женщины Востока» (1926) и роман-трилогию «Гнет» (кн. 1 «В степных просторах», 1957; кн. 2 «Дыхание бури», 1960; кн. 3 «В битве великой», 1962), где воссоздала картины жизни дореволюционного Туркестана. В рецензиях советского периода сказано: «... необыкновенны судьбы героев романа». Рисунки художника-оформителя книг были вдохновлены семейным фотоальбомом – от невольного царского прошлого до привольной Октябрьской революции в Средней Азии. Читатель понимал: чем

тяжелее был гнет, тем сильнее становилось стремление к свободе. «...Смелый и честный офицер Древницкий проходит сложный путь от романтического искателя правды до убежденного борца за свободу народов; рабочий Аристарх Казаков через тюрьмы и ссылки шагает на баррикады Октября; страстный защитник обездоленных кузнец Машраб, мечтатель и воин Алексей Силин становятся под знамя революции...»

Судя по всему, в историческом романе «Гнет» Анна Алматинская описывает приезд собственных родителей в Туркестан. «...Тройка резвых лошадей мчит по дороге легкий крытый тарантас. Из-под колес клубится пыль, несется за тарантасом и оседает на приподнятый кожаный фордек... В тарантасе двое молодых путников с любопытством смотрят по сторонам. Мечтательно провожают они плывущего в небе ястреба, слушают беспечную песню жаворонка.

Один из них – совсем еще молодой офицер Вольдемар в белом кителе с золотыми пуговицами, с новенькими погонами прапорщика. Смуглое лицо его замкнуто, но глаза часто останавливаются на спутнице. Тогда в них светится нежность. У хрупкой молодой женщины светлые, пепельного цвета волосы и нежная, белая, подобная тонкому китайскому фарфору кожа, голубые мечтательные глаза. Она с опаской поглядывает на восток, откуда вот-вот должен подняться диск жгучего солнца.

Еще вчера она с мужем гуляла по берегу Урала, заходила в собор, слушала благолепное пение церковной капеллы, вечером плыла в звуках бравурной музыки, гремевшей в офицерском собрании... А сегодня тройка пригнанных из табуна степняков мчит ее в далекий неведомый край. Что-то ждет ее там?

Прижавшись к плечу офицера, украдкой глянула на красивый профиль мужа, на его новые погоны и тихо вздохнула...

– Взгрустнулось, Маша? Ты не жалеешь, что решилась разделить судьбу изгнанника?

Молодая женщина встрепенулась. Улыбка осветила ее бледное лицо.

– Нет, Вольдемар, не жалею... Но все как сон. Еще так недавно – блестящее Вильно... Помнишь? На балу тебя ко мне подвел полковник Зарайский. Кругом огни, музыка, цветы, смех. А ты был в серебряных аксельбантах, в погонах поручика. А сейчас... пустыня, безлюдье и... у тебя погоны прапорщика.

– Что делать, дорогая? Могло быть хуже. Я еще дешево отделался.

– Ты забываешь, Вольдемар, о нашем щекотливом положении. Ты разжалованный Древницкий, а я... его незаконная жена. А тут...

– Не пугай себя, Маша. И в Ташкенте есть культурные люди. Поверь, все обойдется.

Тройка шагом ехала через деревянный мост. С левой стороны дороги тянулась длинная глиняная стена, из-за которой поднимались крыши домов. По углам стены высились деревянные дозорные башни-вышки. На них в ясном утреннем воздухе маячили силуэты часовых...»

* * *

Девичья фамилия поэтессы и прозаика – Држевицкая. Она появилась на свет в городе Верном (ныне Алматы) в канун 1882 года (по данным изданий советского времени – 12 января следующего года). Воспоминания А. В. Панкратьевой составили личный фонд в Центральном госархиве Узбекистана (ф. № 2403). Важно отметить, что частное собрание названо не по фамилии, а по псевдониму

писательницы – «Алматинская Анна Владимировна». Вероятнее всего, дело здесь в ее происхождении. Писательница происходила из старинного шляхетского рода Држевицких. В гербе рода на геральдическом щите изображен прадед, коренастый дровосек, рубящий дряхляющий раскидистый дуб. Семья была из дворян Виленской губернии, имения Цехановишки, которое принадлежало деду Венедикту Држевицкому. Ее отец Владимир Венедиктович Држевицкий окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1872 г.), направлен прапорщиком в 106-й Уфимский и 107-й Троицкий пехотные полки (с 1874 г.).

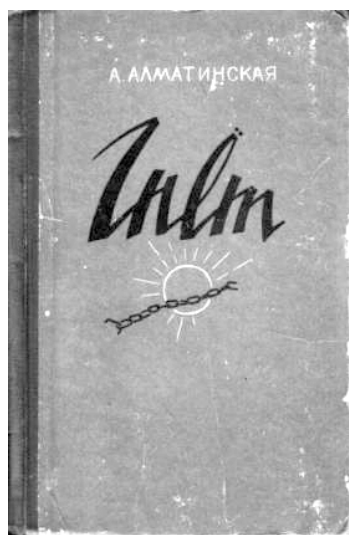
Вспомним вновь описанный Анной Алматинской в романе «Гнет» приезд в Туркестан двух молодых путников: «...смелый и честный офицер Древницкий», стало быть, отец, разжалованный за свободомыслие из поручиков в прапорщики и сосланный в глубинку Азиатской России, и рядом, в крытом тарантасе в обнимку с Вольдемаром, мать – в романе просто Маша. Он мог проходить службу в Семиреченском казачьем войске и потому оказался в Верном. Известно, что в 1910 году В. В. Држевицкий служил чиновником Ташкентской городской управы, состоял на скромной должности делопроизводителя, а не бравого военнослужащего.

Писатель Евгений Марков, который в конце XIX века посетил Среднюю Азию, описал среди прочего образцовые торгово-промышленные заведения Држевицких. В Ташкенте жило не более 18 поляков (в годы революции – до 2206 жителей), поселившихся компактно по ташкентским улицам Дачной и Долинского. Писатель останавливался в доме гостеприимных Држевицких и, вполне вероятно, первым обратил внимание на творческие способности гимназистки Анны Држевицкой, повлияв на выбор ею будущей профессии.

Анна Алматинская окончила экстерном гимназию и юридический факультет университета. С юности она скрывалась под редким псевдонимом Алматинская (биографы и рецензенты используют также написание Алма-Атинская и Алматынская). Печатала стихи с 1902 года, будучи чиновником управления постройки Оренбург-Ташкентской железной дороги. Из раннего творчества поэтессы известен цикл стихов «Легенда» (журнал «Средняя Азия», ежемесячное литературно-историческое издание, кн. 1, Ташкент, 1910 г.) и проза «Последний привет» (1914 г., издательство «Туркестанский курьер»).

Специалист по псевдонимам И. Ф. Масанов полагает, что настоящей фамилией Алматинской была не Панкратьева, а Зеленина – по мужу, служившему в 1920-е годы в управлении Семиреченской железной дороги. По всей вероятности, писательница дважды была официально замужем. В романе «Гнет» она пишет о муже, якобы литературном герое «...капитане Ронине – дважды вдовце, встретившем под конец жизни настоящую любовь... Она прекрасна, романтична и... фантастична». Но в целом личная жизнь поэтессы и прозаика А. В. Панкратьевой-Алматинской остается за семью печатями.

В в последних выпусках дореволюционной газеты «Туркестанские ведомости» она опубликовала стихи «Безверие»:

Погас огонь мечты сверкающей,
 Зловещий мрак раскинул крылья,
 И веры луч печально тающий
 Трепещет ужасом бессилья.
 Со страхом, в сердце затаенном,
 Я жду грядущих откровений,
 Но мир, враждою напоенный, –
 Не дарит мне святых мгновений.
 Заря любви звездой сияющей
 Уж не взойдет над миром тленным,
 И гаснет дух мой умирающий
 В бессилье, в сумраке Вселенной...

География мест обитания и творчества Анны Алматинской обширна – от станции Тюлькубас, где она работала в управлении Семиреченской железной дороги, до города Сухуми, где заведовала литкабинетом писательской организации Абхазии. Судьба ей определила стать редактором первого туркестанского литературно-художественного альманаха «Степные миражи» (1914) и советской газеты «Еркин-Кедей» («Вольная беднота», 1923, город Аулие-Ата, ныне Тараз).

Она опубликовала книгу «Минувшее и воспоминания» (1971), повести «Клятва Солнцу» (1961) и «Побеждая смерть» (1971), издавала детскую литературу, сборники прозы и стихов «Придорожные травы» (1927), «Наш сад» (1959), «Свет наших дней» (1967; 1971) с воспоминаниями о работе с эвакуированными малышами в годы Отечественной войны в Узбекистане.

Писательница похоронена на Боткинском Ташкентском кладбище. На обыкновенном памятнике, с овальной фотографией и пальмовой веточкой, выбиты крайние даты жизни – «13/I 1883 – 30/VIII 1973». Далее имя, отчество и крупно фамилия писательницы – Алматинская. Собственно, эти данные побудили меня, коренного алмаатинца, обратиться к жизни и творчеству этого малоизвестного автора.

* * *

У невероятного города Ташкента было совершенно особое место в русской культуре и истории XX века. Чужой азиатский город, прозванный «хлебным», стал убежищем для тысяч людей, изгнанных обстоятельствами из своих домов, из всей привычной жизни. Настоящий ковчег на какое-то время собрал людей великих и безвестных. Нельзя сказать, что Ташкент ко всем был ласков. Многие воспринимали его лишь как место новых испытаний.

Из ташкентского окружения писательницы Алматинской отметим туркестан-

ского поэта и грузинского драматурга кино, российского репрессированного деятеля А. С. Балагина (Гершеновича), который начинал публиковаться на страницах «Степных миражей», и его вторую супругу М. И. Кузнецову-Балагину (на сцене Гринева, в ту пору актриса Камерного театра). Зная ташкентский, и не только, круг общения этих людей, можно предположительно обозначить круг знакомых и Анны Држевицкой.

Сохранилось письмо М. И. Цветаевой от 1927 года из Медона к туркестанцу А. С. Балагину: «...Здравствуй, дорогой Ал<ександр> Самойлович. Пишу Вам на scarlatinном одре, со свежевыбритой головой... Помню и Туркестан, Ваши стихи и наши беседы... Но обещания своего Вы не исполнили: не приехали! Зато совершенно неожиданно для меня со мной породнились: Мария Ивановна Кузнецова мне, конечно, сестра, очень ее люблю, поцелуйте ее за меня. Лея везет карточку Мура, в жизни он много лучше: добрее, здесь он очень напуган фотографом. Об Але не говорю: очень красивая девочка... Аля Вас помнит и к концу припишет. ...О себе скажу, что живется мне в общем хорошо, хотя не легко – времени на стихи все меньше и меньше. Кончаю. Сердечно обнимаю Вас и М<арию> И<вановну>, будьте оба здоровы и молоды и не забывайте искренне любящую Вас МЦ».

Марина Цветаева ничего не успела рассказать своему сыну Георгию Эфрону (которому в пору этого письма было всего два года!) о том, как выжить одному в странном и непонятном городе, где соседствуют упоительная роскошь природы и скудость быта, жара и стужа, военные пайки и пышность восточного базара, на котором столетиями ничего не меняется. В Ташкенте, фигурировавшем в этой переписке, ее любимый Мур окажется уже без матери. А перед этим была эвакуация 1941 года в Елабугу, где не стало Марины Ивановны, попытка одинокого мальчика закрепиться в Москве, а потом эвакуация среди всеобщей паники глубокой осенью в Ташкент, тяжелое пребывание в котором отразится в его дневниках и откуда его заберут на фронт...

Для Анны Ахматовой Ташкент стал и спасением, и поводом погрузиться в память рода, мол, «...я не была здесь лет семьсот». Она писала, открывая возможность опробовать новую поэтику, новый взгляд на мир: «...Это рысьи глаза твои, Азия, // Что-то высмотрели во мне...» Но к тому времени Балагина уже, видимо, не было в живых. Он был репрессирован в 1937 году, и, по некоторым предположениям, след его теряется в 40-м.

Двадцатидневное пребывание Сергея Есенина с середины мая 1921 года в Ташкенте (с поездкой в Самарканд) всего более отразилось на поэтической и культурной жизни города. Как свидетельствуют современники, в Ташкенте той поры было немало прозаиков и поэтов, претендующих на признание своего таланта. По публикациям и выступлениям на поэтических вечерах читатели знали произведения Александра Ширяевца, Валентина Вольпина, Семена Окова, Павла Дружинина, Бориса Лавренева, Александра Зонина, Анну Алматинскую, Джуру (Ю. Пославского), Георгия Светлого (Г. Павлюченко), Алексея Плотникова, Аполлона Нормана, Александра Балагина и других. Есенин был знаком с поэтом, а позже сценаристом и режиссером А. С. Балагиным еще по Питеру, и в автографе своем отметил: «Дорогому Александру Самойловичу Балагину в знак приятных встреч под ржавым туманом Петрограда». В альбом Балагина вписал великий поэт свои строки из «Колокольчика среброзвонного», а на подаренной «Радунице» оставил надпись: «Никогда не забывай! Сергей Есенин».

Москва. 1921». В изданной книге А. Балагина «Капризное сердце» указано, что его стихотворение «Разлука», посвященное памяти А. В. Абрамова (Ширяевца), положено на музыку самим Есениным.

Именно с Александром Ширяевцем ближе всего общается Есенин в свой ташкентский приезд. Может быть, эта дружба послужила тому, что уже на следующий год Ширяевец оказывается в Москве. Однако несчастливо: книги свои он там издал и был признан, но в мае 1924 года скончался (от менингита?). Есенин тяжело переживал потерю друга. Вместе с С. Есениным участие в организации похорон принимал А. Балагин.

Сергей Есенин полюбил бывать с ташкентцами в старых кварталах – махалля, слушать восточную музыку на Урде и Воскресенском базаре, стихи за пиалой в чайхане, песни в доме Нарбековых. Поездка Есенина, хоть и неофициальная, сопровождалась чтением стихов на вечерах «Студии искусств» и поэмы «Пугачев» в зале Публичной библиотеки, перед киносеансами в кинотеатрах «Туран» и «Зимняя Хива». Он присутствовал на поэтическом вечере ташкентского поэта-футуриста Семена Окова в Доме просвещения (ныне – Центральный дом офицеров) и на спектакле в театре «Колизей». Звучал неповторимый есенинский голос и в домах его ташкентских друзей – поэта Александра Ширяевца по Новой улице (у Алайского рынка), литератора Валентина Вольпина, художника Александра Волкова на Садовой улице (около старого зоопарка), в гостеприимном доме Михайловых, некогда стоявшем напротив современной гостиницы «Дедеман». Позже, вспоминая эту поездку, поэт писал А. Мариенгофу: «...как все это было прекрасно!»

«Золотая дремотная Азия, опочившая на купалах» вошла в творчество и самого Сергея Есенина. Во всяком случае, многие исследователи сходятся во мнении, что написанные в Грузии и Азербайджане «Персидские мотивы» Есенин, так не побывавший в желанной Персии, отчасти вывез из Туркестана. (Большую исследовательскую работу о поездке Сергея Есенина в Ташкент и Самарканд осуществил ташкентский литературовед доктор филологических наук П. И. Тартаковский, опубликовав в 1981 году книгу «Свет вечерний шафранного края (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина)»). А посетившая Ташкент в восточном турне 1924 года, после разрыва с Есениным, Айседора Дункан свидетельствовала журналистам, что в их путешествиях с поэтом по миру, восхищаясь западной, в частности, итальянской архитектурой, Сергей Александрович неизменно добавлял: «Но не Самарканд».

Добавим к сказанному, что в столице Узбекистана с 1942 года жила сестра Есенина Татьяна Сергеевна, журналист, сотрудница газеты «Правда Востока». Она передала в ташкентский музей Есенина редкие семейные и творческие экспонаты самого поэта, сестер Есениных и людей, близких ему...

...Впрочем, исследование биографии героини нашего очерка, носившей в псевдониме Алматинская память о родном городе Верном, о Заилийском крае, где проросли побеги ее польских и литературных корней, возможно, приведет к новым интересным находкам и открытиям в судьбе не только поэта и прозаика Анны Алматинской-Панкратьевой.

